функционального аспекта, дать затем очерк некоторого специального варианта функциональной грамматики.

Нужно заметить, что это не легкое чтение. Написанная в стиле как бы большой энциклопедической статьи, книга отличается чрезвычайной насыщенностью и и вместе с тем сжатостью изложения. Но трудности чтения с лихвой окупаются открывающимися перед читателем перспективами.

Глава I — «Предмет и задачи функциональной грамматики» — посвящена не только тому, что означено в ее заголовке, но и подробной истории вопроса. Прослежены два течения в истории функциональной грамматики: одно — «от формы к значению, от средств к функциям», другое — «от значения к форме, от функций к средствам». В связи с первым упоминаются многие отечественные ученые — от Ф. И. Буслаева до А. А. Шахматова и А. М. Пешковского, особенно подчеркнуто значение работ В. В. Виноградова. Из зарубежных упомянуты Е. Курилович, А. Мартине, Г. Гийом, Э. Бенвенист и др., особенно подчеркнуто значение идей Р. О. Якобсона. Более подробно, в соответствии с давним предметом своих занятий, автор рассматривает взгляды лингвистов, известных своими работами в области изучения глагольных видов,— Э. Кошмидера, Ю. С. Маслова, М. А. Шелякина и др. В связи со вторым течением названы И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. Брюно, Л. В. Щерба. Наибольший интерес для автора представляют те работы, в которых предпринимались попытки синтеза обоих подходов — «от формы к значению» и «от значения к форме». Здесь упомянуты С. И. Бернштейн, О. Есперсен, а из современных советских лингвистов те, которые работают в русле этого подхода на материале разных языков и работы которых, вместе с исследованиями самого А. В. Бондарко, собственно и создают функциональное направление в лингвистике: Г. А. Золотова, Н. А. Слюсарева, В. Г. Гак. Названы конкретные частные исследования представителей чешской лингвистической школы — П. Сгалла, Ф. Данеша, П. Адамеца и мн. др. Вскользь упомянуты также лингвисты других направлений, работы которых так или иначе соприкасаются с функциональным подходом.

Все это создает полное, хотя и суммарное, «словарно-энциклопедическое» представление об истории вопроса. Можно лишь с сожалением заметить в перечне отсутствие работ Н. С. Поспелова, одного из самых оригинальных представителей этого течения в отечественной лингвистике, идеи которого сопоставимы по значению да и по характеру с идеями Г. Гийома, а книга Ф. Брюно «Мысль и язык» названа скорее всего по инерции и по обещанию ее заголовка, так как в ней содержатся на этот счет лишь самые тривиальные соображения, ничем особенно не связанные с функциональным подходом. История вопроса, ценная и сама по себе, позволяет наиболее отчетливо изложить отличия функциональной грамматики А. В. Бондарко.

Тот специальный вариант функциональной грамматики, который представлен в книге, самим автором определяется «как грамматика функционально-семантических полей и категориальных ситуаций» (с. 21).

Разъяснению этих двух понятий и посвящены соответственно II и III главы книги. Но прежде, в главе I, высказываются предваряющие их, самые общие теоретические положения.

Большое теоретическое значение имеет четкая авторская формулировка различий между «функцией» и «значением». «Функции грамматических единиц (форм и конструкций) необходимо отличать от значений. Значение представляет собой знаковое содержание формы, ее системно значимое внутреннее свойство...; значения грамматических форм относятся к содержательной стороне языка и включаются в понятие языкового строя. Что же касается функции, то ее реализация в речи может представлять собой цель употребления того или иного комплекса средств, выходящую за пределы языка» (с. 31—32); «Значение формы охватывается понятием „язык“» (с. 32); «Функция связывает значения и внеязыковые цели общения» (с. 32).

Здесь же ставится новый философский вопрос языкознания — о среде и системе. «Вопрос о том, что такое среда по отношению к системам и подсистемам в языке, до сих пор не ставился. Между тем постановка такого вопроса насущно необходима, так как ясно, что частные системы в языке (и язык в целом как система систем) существуют и функционируют не в изоляции, не в вакууме, а в определенном окружении взаимодействующих с данной системой явлений, т. е. именно в среде... Система и среда (применительно к языковым явлениям) — это не самоподавляющие понятия. Они подчинены функции» (с. 48).

Проявления среды типизируются в парадигматический и синтагматический аспекты. Например, парадигматический аспект среды проявляется — в «поле аспектуальности» — в виде центра, понятия вида как системы граммем совершенного и несовершенного видов, далее способов действия (аспектуальных классов, разрядов) и более широких разрядов предельных и непредельных глаголов. «Взаимодействие системы и среды в данном случае проявляется как воздействие указанных лексико-грамматических разрядов на реализацию системы видов» (с. 49). В других случаях среда — это лексические значения слов, обусловливающие конкретную репрезентацию грамматической категории (с. 50) и т. д. «Конкретное содержание (наполнение) понятий системы и среды в области грамматических категорий и функционально-се-